

не только ущущением, досадным для никольного исторического образования, особенно в условиях реформы, но и еще одним обидным попытным шагом: ведь сто лет назад в книге было четыре выпуска, затем их стало три, затем два...

М. М. Фрейденберг

УКОЛОВА В. И. «ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН» БОЭЦИЙ.
М.: Наука, 1987. 160 с.

Сейчас много говорят о том, какой должна быть научно-популярная книга по истории. Что должно в ней преобладать: научность или популярность? Должна ли быть актуальной выбранная тема? Каким языком нужно писать такую книгу, чтобы она не утратила достоинств, обрела широкого читателя? В свете подобных споров совершенно очевидно, что написать хорошую научно-популярную книгу отнюдь не легче, чем научную монографию, а в некоторых отношениях даже труднее, ибо, сохранив научную добродель, книга должна быть доступной и увлекательной по форме. Эти качества, безусловно отличают книгу В. И. Уковой «„Последний римлянин“ Бозий».

В. И. Уковая в конце 60-х годов начинала в нашей стране изучение творчества Бозия. До 70-х годов на русском языке не было опубликовано ни одной работы об этом крупнейшем философе и деятеле культуры. Вышедшая в начале века книга Н. М. Бубнова «Абак и Бозий» была посвящена историко-математической проблематике, лишь связанный с именем Бозия. В. И. Уковой, собственно, пришлось идти по научной целине. В первой половине 70-х годов она опубликовала серию научных статей о «последнем римлянине», во многом новаторских и пробудивших интерес к этому мыслителю у других исследователей. В 1983 г. вышел в свет перевод на русский язык главного произведения Бозия «Об утешении философией», подготовленный и прокомментированный В. И. Уковой. В рецензиях высказывались пожелания об издании книги о Бозии. И вот наконец она перед нами

Первые же строки, написанные проникновенно и с любовью к герою книги, обещают читателю увлекательное повествование о блестящем мыслителе и политическом деятеле, человеке с трагической судьбой. В. И. Уковова отмечает, что «ученые до сих пор спорят, был ли он оригинальным мыслителем или эклектиком, христианином или тайным приверженцем древнего язычества, ученым или моралистом, „последним римлянином“ или „отцом средневековья“, разгадывают загадку его последних дней и посмертной легенды, тайну его питаемого мудростью оптимизма» (с. 3–4). Однако эта книга не только о личной судьбе блестящего деятеля культуры, «связующего времена», но и о судьбах европейской культуры на рубеже античности и средневековья, о преемственности и противостоянии старого и нового типов культур, роли традиций и духовного наследия в развитии общества.

Книга написана динамично, прекрасным образным языком, но уже с первых же страниц ощущается сложность предмета исследования, многогранность фигуры Бозия. В. И. Уковова отмечает, что «Бозия потомки называли „последним римлянином“, тем самым подчеркивая его перасторжимую связь с эпохой, к моменту его рождения уже ушедшей. Он как бы замыкал отрезок истории, принадлежавший еще недавно великой и могущественной римской цивилизации, был ее последним олицетворением и носителем... Но ведь Бозия называли и „отцом средневековья“, тем самым причисляя его к творцам нарождавшегося мира, следовательно, и сам этот мир тоже был „его временем“. Бозий не только „последний“, но и „первый“, протянувший руку европейскому средневековью. И это был не просто жест приветствия, в руке Бозия лежало сокровище любовно отобранные и отшлифованные знания, которые он хотел передать, чтобы те, кто придет за ним, могли не только взглянуть на мир удивленными глазами ребенка, но и проникнуть в глубины мира, испытуя то, что уже понято и осмыслено до них» (с. 7).

За отточенной формой изложении опущена большая научная глубина. Это тот случай, когда труд исследователя

уже не заметен на поверхности и предстает в преображенном качестве художественной подачи научного текста. В этом, думается, автор вольно или невольно попадает под влияние самого Бозия.

В. И. Уколова избегает упрощенной трактовки творчества Бозия и его роли в становлении средневековой европейской культуры. В книге мы не найдем ни образа оставшегося непреклонным язычника, «последнего стражи» погибающей культуры, ни преимущественно христианского мыслителя, каким очень часто представляют Бозия зарубежные, а вслед за ними и некоторые отечественные исследователи. Автор убедительно показывает, что сама постановка вопроса должна быть диалектичной по своей природе.

В книге раскрыта сущность того, что происходило в духовной жизни римского общества на рубеже времен — при переходе от античности к средневековью. Перед читателями развернута галерея портретов выдающихся современников Бозия. Из представленных свидетельств источников органично вытекает вывод, что «в остготской Италии еще оставался живуч дух языческой древности, который явственно ощущается у писателей конца V — начала VI в., улавливается в самом характере городской жизни» (с. 31). Вместе с тем проанализировано и своеобразие христианства того периода, показан процесс усиления его влияния на духовное состояние общества.

Судьба Бозия была драматична. Представитель одного из древнейших римских родов, блестящее образованный человек, он был первым министром остготского короля Теодориха, а затем, несправедливо обвиненный по ложному доносу, был заточен в тюрьму и казнен. Обычно гибель Бозия интерпретируется как результат прежде всего личного противостояния короля Теодориха и философа. В. И. Уколова понимает это событие шире. Она подчеркивает, что «в широком историко-культурном плане потомки не абсолютизовали этого столкновения. Оба его героя стали своеобразными идеалами средневековья. Бозий воплощал в себе человеческую (а не божественную) святость, сопряженную со свободой человеческого духа, ученоностью и культурой; Теодо-

рих — воинскую доблесть, спаянную с доблестью государя и сюзерена, как организующего хаос общественной жизни начала... Важно и другое — в этом столкновении персонифицировалась борьба двух миров римского и варварского, диалектика этого противоборства» (с. 43—44).

В книге показано становление средневековой системы образования и роль в этом процессе Бозия. Этому посвящена глава «Четверные врата познания». Но наиболее оригинальными и насыщенными являются главы, посвященные исследованию философской системы Бозия, на существование которой В. И. Уколова впервые обратила внимание в своей кандидатской диссертации, обосновав философскую оригинальность «последнего римлянина» в противовес бытовавшей тогда концепции эклектичности его мировоззрения. Эту оригинальность она связывает прежде всего с учением Бозия о высшем универсальном разуме, не имеющем аналога в античной и средневековой философии, с его интерпретацией взаимосвязи судьбы и мудрости и предназначения человека. Исключительное значение, придаваемое Бозием разуму как высшему началу, нашло отражение и в художественном построении его главного сочинения «Об утешении философии». «Утешительница Бозия, — пишет В. И. Уколова, — становится Философия — персонифицированная Мудрость. Она заново проводит его по лабиринтам выпавшей ему судьбы, сопрягая ее с судьбой мира и вечностью» (с. 90).

Известно, сколь огромное влияние оказала на средневековую культуру концепция Фортуны Бозия. Читатель найдет в книге ее глубокое исследование в связи с онтологическими, гносеологическими и эстетическими представлениями «последнего римлянина», в сравнении с воззрениями отцов церкви и особенно Аврелия Августина. В книге справедливо отмечается, что «Бозиеву концепцию судьбы в отдельных составных частях можно отождествить с постулатами того или иного философского учения, но, спаянные воедино, они образуют оригинальное и стройное целое. Бозий, как представляется, весьма далек от христианства, приход к которому мог бы показаться вполне закономерным в его

время и в его положении. Однако, отталкиваясь от платоновской концепции мироздания, от стоического учения о логосе, пройдя через горнило мистической диалектики Плотина и Прокла, Бозций отобразил лишь наиболее созвучное его своеобразно рационалистическому взгляду на мир» (с. 130).

Бозций как основоположник средневековой схоластики — тема чрезвычайно сложная и, казалось бы, не поддающаяся научно-популярному изложению. Однако автору книги удалось показать значение деятельности Бозция для становления средневекового типа мышления. Прекрасно найден тон повествования о сложнейшей проблеме общих понятий — универсалий, предваренный экскурсом о соотношении платоновской и аристотелевской линий в философии, поскольку Бозций одной из важнейших задач философствования считал раскрытие фундаментальной общности двух величайших мыслителей древности. Убедительно выглядит доказательство рационалистической интерпретации Бозием проблемы соотношения разума и веры, в которой «последний римлянин» предвосхитил Фому Аквинского, через семь с половиной веков развивающего идеи, сформулированные в Бозиевых теологических трактатах.

Заключает книгу глава, символически названная «Не рвется связь времен». В ней показано влияние Бозия на европейское средневековье и Возрождение. «Своим творчеством, — отмечает В. И. Уколо́ва, — Бозий решал задачу, поставленную его временем, которое было одним из узловых пунктов исторического развития, требовавшим синтеза прошлого и интуиции будущего. Под пером Бозия элементы античного знания и философии превращаются в строительный материал для новой системы мышления, новой культуры. Философ не только охвачен предчувствием этого будущего, но и реально помогает ему взрасти не на выгнутом поле, но на пиве, подготовленной к посеву духовной работой многих поколений... Бозий писал, чтобы быть понятым, и это ему удалось» (с. 150—151).

Даже простое перечисление средневековых и ренессансных переводов и «версий» сочинений Бозия, выявление основных линий его влияния произ-

водит огромное впечатление. Хотелось бы, однако, чтобы эта глава носила более развернутый характер. В ней лишь намечены возможные пути будущих научных исследований, и было бы весьма полезно, если бы в дальнейшем по ним пошла научная мысль. Это сделало бы более яркими и объемными наши представления о средневековой культуре и о ее связях с античным наследием, ее гуманистическом содержании. В целом же книга В. И. Уколо́вой «„Последний римлянин“ Бозий» — прекрасный образец подлинно научного и подлинно популярного произведения, заслуженно вызвавший интерес широких кругов читателей.

О. И. Варьяш

KOTEL'NIKOVA L. CITTA E CAMPAGNA NEL MEDIOEVO ITALIANO.

Roma: Riuniti, 1986. 125 р.

КОТЕЛЬНИКОВА Л. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Рим: Риунити, 1986. 125 с.

В течение многих лет в Италии выходит серия «libri di base». Книги, входящие в эту серию, рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. Их назначение — знакомить читателей с самыми разнообразными научными проблемами их современной интерпретации. В этой серии имеются как бы особые «подсерии» по многим отраслям знаний — физике, экономике, праву, истории и т. д. Человек, регулярно знакомящийся с этим изданием, может значительно расширить свой кругозор, получить ответы на важнейшие мировоззренческие вопросы и новую научную информацию, в той или иной степени реализовать цель перманентного самообразования. Просветительское значение этой серии тем больше, что в качестве авторов в ней, как правило, выступают наиболее авторитетные в своей области ученые, приглашенные из разных стран.

Показательно, что, когда итальянские издатели решили выпустить в исторической подсерии книгу об экономических проблемах средневековой Италии, они обратились к советскому ученому,